

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Э.Г. ШЕСТАКОВА

УДК 821.161.1
ББК Ш33(2Рос=Рус)-3

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОГО НАЧАЛА В МОТИВЕ *русский человек на rendez-vous*

Аннотация. В статье поднимается и обосновывается проблема формирования, восприятия и развития женского начала в ведущем мотиве русской словесности – *русский человек на rendez-vous*. Доказывается, что русской литературной критикой и господствующими ценностными ориентациями советского литературоведения был задан когнитивный диссонанс, определивший парадоксальность судьбы этого мотива. Это во многом способствовало, если и не упрощенному, то моновекторному – за счёт умаления смысловой, этической, эстетической объёмности, многозначности и сложности – социально-критическому представлению о роли женского начала в мотиве. Женское начало (образы и типы женщин, их роль, специфика проявления характера, особенности поведения на решающем свидании, дальнейшего устройства жизни) рассматривалось не столько как самостоятельное, самоценное составляющее мотивной целостности, сколько как зависимое от общественно-культурного типа героя, общей поэтической линии развития женских образов, любовных сюжетов в русской литературе, как составляющая «онегинской» ситуации. Предлагаются четыре направления исследования женского начала, которые позволят преодолеть когнитивный диссонанс, сформировавшийся в культуре восприятия этого мотива.

Ключевые слова: мотив русский человек на rendez-vous, женское начало, когнитивный диссонанс, ценностные ориентации, «онегинская» ситуация, творческая память

Автором этой статьи неоднократно отмечалась изначальная, значимая своей неустранимостью парадоксальность природы, судьбы мотива *русский человек на rendez-vous* в словесно-культурном процессе и литературоведческой рефлексии. Непосредственно этой проблеме посвящены статьи «"Пушкинское" и "Лермонтовское" в мотиве *русский*

человек на rendez-vous: не услышанные идеи русской критики и упущенные возможности литературоведения»¹ и «О принципах и основах трансформации мотива *русский человек на rendez-vous* в русской словесности XIX – первой трети XX вв.» [Шестакова 2014]. В них поставлены и обоснованы общетеоретические аспекты проблемы парадоксальной сущности и когнитивного диссонанса в восприятии центрального мотива русской классической литературы – *русский человек на rendez-vous*. Однако ряд концептуальных вопросов, сопряженных со сложной, лабиринтообразной, во многом даже странной, по большому счёту еще не выявленной природой и, главное, не прослеженной судьбой этого мотива, нуждается в осмыслении. К одним из таких крайне важных, очевидных в своей значимости, но при этом фактически и не поставленных для мотива *русский человек на rendez-vous* вопросов относится проблема женского начала. Это тоже составляет одну из странностей и парадоксальностей существования, а также культурного, критического, литературоведческого восприятия мотива.

Хотя при первичном приближении к *русскому человеку на rendez-vous*, как знаковому национальному явлению, и может создаться вполне убедительное представление, что проблема женского начала занимает в нём одно из главенствующих мест, но это обманчивое впечатление. Оно формируется и надолго закрепляется в традиции осмысления этого мотива благодаря игре идейно-смысловых акцентов, заложенных русской критикой XIX века и поддержанных ценностными ориентациями советского литературоведения. Эти ценностные ориентации, по справедливому утверждению В. Хализева, нуждаются уже не столько в переоценке, сколько предполагают качественно новый взгляд на русскую классическую литературу, её аксиологические основания, установки и методы изучения. В. Хализев, обозначая актуальные задачи современного литературоведения в отношении русской классической литературы, так сформулировал одно из направлений, обусловленных существованием «белых пятен» в изучении русской

¹ См. Шестакова Э.Г. «Пушкинское» и «лермонтовское» в мотиве русский человек на rendez-vous: не услышанные идеи русской критики и упущенные возможности литературоведения // Уральский филологический вестник. Серия Русская литература XX – XXI веков: направления и течения. № 2. Екатеринбург, 2013. – С. 21–40. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pushkinskoe-i-lermontovskoe-v-motive-russkiy-chelovek-na-rendez-vous-neuslyshannye-idei-russkoy-kritiki-i-upuschennye-vozmozhnosti> (дата последнего обращения 16.05.2015 г.).

словесности XIX века. Он точно определил, что, почему и каким образом нуждается в апостериорном осмыслении: «...недостаточно принимается во внимание пристальный интерес писателей к человеческой личности, к ситуациям выбора людьми жизненно-практических позиций, к их духовному самоопределению и инициативно совершаемым поступкам» (курсив автора – Э.Ш.) [Хализев 2005:7]. Эти идеи значимы и для анализа мотива *русский человек на rendez-vous*, особенно с точки зрения женского начала, которое из-за господствующих ценностных ориентаций русской критики, а затем советского литературоведения рассматривалось преимущественно под общественноцентричным и идеологически однонаправленным углом зрения. Это во многом способствовало, если и не упрощенному, то моновекторному – за счёт умаления смысловой, этической, эстетической объёмности, многозначности и сложности – социально-критическому представлению о роли женского начала в мотиве. Однако сам живой, поливекторный, полисемантический словесно-культурный процесс, равно как и профессионально ответственные литературно-критическая, литературоведческая рефлексии, не могли не выявлять и не обозначать проблемные поля мотива. Это те поля, которые не укладывались в господствующие идейные, ценностные умонастроения и проявлялись в виде парадоксов восприятия и когнитивных диссонансов осмысления мотива. Во многом они образовывались вследствие встречи словесно-культурного процесса, который «не укладывался» ни в идейные задачи критики, ни в коллизии взаимоотношений «литературной и общественной культуры» [Пумпянский 2000:409], с традициями рецептивной культуры, которая обусловлена рядом историко-культурных, социально-идейных, профессиональных (в нашем случае – гуманитарных) факторов и творческой памятью. В связи с этим необходимо отметить три основных момента, сопряженных с константной парадоксальностью женского начала в мотиве *русский человек на rendez-vous*, которая присуща и самому словесно-культурному процессу, и настроениям критики, и литературоведческой рефлексии, начиная с хрестоматийно известной статьи Н. Чернышевского 1858 г. «Русский человек на rendez-vous» и заканчивая современным литературоведением.

Момент первый. Неоспоримо и вполне закономерно то, что, с одной стороны, женское начало (образы и типы женщин, их роль, специфика проявления характера, особенности поведения на решающем свидании, дальнейшего устройства жизни) занимали и критиков, и литературоведов, так или иначе касавшихся проблемы (мотива, сюжета, ситуации, как это будут еще определять) *русский человек на rendez-vous*. В качестве примеров достаточно вспомнить статьи

Н. Чернышевского, П. Анненкова, чтобы понять: женское начало априори воспринималось и оценивалось уже первыми критиками поведи И. Тургенева как основополагающее, неустранимое и исключительно важное для понимания сути произведения. Ведь не случайно мотив изначально получает определение через *rendez-vous* – любовное свидание, для которого необходимы он и она, герой и героиня. Н. Чернышевский, П. Анненков в первых строках рецензий акцентируют внимание своих читателей на любовном конфликте: «Мы видим Ромео, мы видим Джульетту, счастью которых ничто не мешает, и приближается минута, когда навеки решится их судьба...» [Чернышевский 2015]; «...слабость, бесхарактерность любовника, представленного нам автором "Аси", так искусно и ярко объяснены сомнительным нравственным состоянием этого лица и того класса, к которому оно принадлежит» [Анненков 2015].

С другой стороны, женское начало также изначально воспринималось и оценивалось критиками как общий фон, повод для рассуждений об общественном портрете личности героя, историко-культурных, социальных предпосылках и условиях её формирования и развития как типичной личности *лучших людей* своего времени. При этом тоже далеко не случайно, что критики исключительно героя называют главным лицом не только «Аси», но и других произведений И. Тургенева, и русской, современной им, литературы в целом, сосредотачивая пристальное внимание на *его* типичном поведении на *rendez-vous*. Русский человек на *rendez-vous* – это он, мужчина, на решающем свидании. И это несмотря на то, что критика, а затем и литературоведение будут говорить об особой активной роли женщины в этом мотиве, начиная с этически вызывающей для моралистов того времени женской инициативы в приглашении на свидание. Уже Н. Чернышевский чётко обозначил суть характера героини мотива: «...эта девушка очень милая, с благородной душой, с удивительной силой характера, вообще девушка, которую нельзя не полюбить, перед которой нельзя не благоговеть...» [Чернышевский 2015].

Однако далее рассуждения критиков и исследования литературоведов, как правило, фокусируются на герое, постепенно превращая героиню в значимый, даже величественный, но всё же объект страсти, предмет любовной истории. Постепенно героиня трансформируется вообще в один из возможных элементов мотива, который каждый раз неизменно оказывается намного больше любви мужчины и женщины и проявляет смыслы качественно иной системы координат, чем история любви. Эти системы координат могут быть представлены глобальными общественно-историческими событиями и ценностями (например,

трактовка рандеву Дм. Благим, П. Рейфманом [Благой 1932; Рейфман 1998]). Они могут быть наполнены абстрактно-культурными понятиями мужского и женского, родового и индивидуального, городского и общинного, поколенческой смены [Макушинский 2003; Мокроусов 2006]. Однако в любом случае они нивелируют самоценную сущность любовного свидания и женского начала. Наиболее схематично заострённым и несколько гротескным образом это сформулировал А. Макушинский в статье «Отвергнутый жених, или основной миф русской литературы XIX века»: «... он встречает *ее*, совсем молоденькую, более или менее "наивную", деревенскую девушку, редко крестьянку, как правило, барышню из соседней усадьбы, которая, хоть тоже дворянка, вполне однозначно, в противоположность его светски-столично-европейскому началу, воплощает в себе что-то сельски-невинное, "народное", если угодно – "душевное", в конечном счете – "русское". Как заканчивается вся эта история? История заканчивается плохо. Он ли в нее, она ли в него влюбляется, хочет ли или не хочет он на ней жениться, в конце концов ничего у них не выходит, ничего не получается» (курсив автора – Э.Ш.) [Макушинский 2003:35]. При этом, несмотря на название статьи, предполагающее активизацию внимания к женскому началу, к героине, отвергшей жениха, господствующая традиция критики и литературоведения не изменяется: в центре анализа находится герой, который предстаёт и прослеживается на материале русской литературы в облике мистического, мифического жениха. Однако вывод, который делает автор, свидетельствует о предельной и явной проблематизации женского начала, необходимости преодоления когнитивного диссонанса, длительное время довлеющего над судьбой этого мотива: «В заключение я хочу высказать мысль кощунственную. Я полагаю, что русская литература, в общем и целом, заблуждалась. Проблема заключалась не в нем, но скорее в ней, не в герое, но в героине мифа. Этот образец чистоты и благородства, этот идеал, это воплощение всех моральных совершенств, эта персонафикация "народной души" и символ вечной – "святой", *sit venia verba* – России, – все это было, конечно, изобретением пишущих, кающихся, легковверных мужчин. Вовсе не он, но именно она оказалась, в конечном итоге, другой» [Макушинский 2003:43]. Хотя вывод и сформулирован несколько публицистически эмоционально и явно задаёт тенденцию к развитию другого, женского, когнитивного диссонанса, в целом он верен. Необходимо последовательно рассмотреть в качестве самостоятельного и самозначащего элемента мотива *русский человек на rendez-vous* женское начало, ориентируясь в этом смысле на идеи, предложенные В. Хализевым.

Момент второй. Женское начало в мотиве *русский человек на rendez-vous* естественным образом сопряжено с любовью, любовными переживаниями, страстью, способностью (или неспособностью) героем, героиней, героями как парой пережить их, принять то, что следует (или должно следовать) за любовью и решающим свиданием. Женское начало и *rendez-vous* необходимо рассматривать как неразрывно взаимосвязанные и предопределённые явления жизненного мира, индивидуального уклада жизни. Причём эти явления скорее относятся к сфере культуры чувств, интимно-сокровенного, семейно-родового мироустройства, нежели к общественно-политическому пространству жизнедеятельности личности. Изначально они под таким углом зрения должны рассматриваться, включая и оценивая внешний мир сквозь призму ценностных ориентаций, чувств личности, переживаний любящих. Вся русская литературная критика это хорошо понимала, стараясь показать особенности формирования характера героини, обосновать те предпосылки, условия и ситуации из её жизни, которые повлияли на её понимание любви, нравственности чувств, поведение на решающем свидании и окончательный жизненный выбор. Однако и при этом наблюдалась тенденция к актуализации мира чувств культурно-исторической, общественно-политической ситуацией и её влиянием на любовные отношения, момент любовного выбора, который поддерживался знаковыми, судьбоносными поступками героини и героя. При этом ни женское начало, ни решающее *rendez-vous* не рассматривались как значимые самостоятельные составляющие мотива. Они оказывались почти неизбежно подчиненными образу героя, анализируемому с точки зрения общественноцентричных ценностных ориентаций. Это нашло показательное воплощение в идее П. Анненкова, который в первых абзацах статьи, акцентируя внимание на бесхарактерности тургеневского героя-любовника, предложил его сопоставлять с гипотетическим героем через жесткий в своей однозначности вопрос: «"Каков русский *смелый* человек на *rendez-vous* и при других обстоятельствах?"» (курсив автора – Э.Ш.) [Анненков 2015]. Вопрос этот, который по своей сути должен касаться не столько общественного облика героя, сколько его культуры чувств, особенностей любовного поведения, всё же не находит должного ответа ни в плане интимных отношений, ни в плане социальной жизнеспособности. Любовная история, свидание и женское начало при этом подчиняются логике общественно-нравственной системы координат. Собственно чувственное начало отношений оказывается зависимым, фоновым составляющим в истории любви. И это тоже парадоксальность мотива, который получил своё определение через апелляцию к истории любви и решающего лю-

бовного свидания. Это с одной стороны.

С другой стороны, женское начало – это по всем показателям и для критики, и для литературоведения сильное начало в мотиве *русский человек на rendez-vous*. Женское начало сильно прежде всего в способности любить и закреплять свой выбор в поступке. Героиня в классической формуле мотива является инициатором и свидания, и разрыва отношений. Героини мотива, жестоко пережив крушение чувств, разочарование, позор, слабость своего героя во время объяснения, выбирают уход, отъезд, бегство, затворничество, замужество и даже самоубийство как возможность самосохранения. Естественно, что женское начало не могло не привлекать внимания критиков, литературоведов, стремящихся разобраться в природе, тенденциях и перспективах развития этого долгоиграющего, как это определяет С. Бочаров, явления русской словесности. Однако заложенный когнитивный диссонанс и здесь сыграл свою роль, подтолкнув литературоведение к более обобщенному, *вне-*мотивному взгляду на взаимосвязь женского начала и *rendez-vous*. Женское начало, по большей части, либо вписывается в особенности концепции любви во внутреннем мире произведения или художественной системы писателя [См., например, из последних работ Маркович 2002; Сенькина 2009], либо в общую типологию любовных сюжетов [См., например, из последних работ Мурзак 2015; Ребель 2005; Ребель 2007; Зайцева 2012]. В любом случае, женское начало, в его естественной и неустраимой сопряженности с любовью и свиданием, почти не исследовалось как нечто самоценное внутри проблем мотива *русский человек на rendez-vous*. Однако осознание важности взаимосвязи женского начала и любовной истории с её кульминацией – решающее *rendez-vous* – как того, что через свою уникальность выходит во всё пространство русской словесности, давно сформировалось. Наиболее филологически красиво, точно и ёмко это сформулировал С. Бочаров в статье «О возможном сюжете: "Евгений Онегин"». Рассуждая о том, что такое возможный сюжет и каковы его отголоски в опыте русской словесности, он отмечает: «"Понимающая жизнь" заключает в себе как внутреннее требование – возвращение к еще не случившемуся и учет несбывшегося как особого рода реальности, остающейся с Онегиным и Татьяной, которые "больше своей судьбы", по М.М. Бахтину, остающейся в их внутреннем опыте и в смысловом итоге романа – и в опыте русской литературы» [Бочаров 1999: 68]. Для постижения опыта русской литературы важно рассмотреть специфику женского начала, в первую очередь, внутри, для мотива *русский человек на rendez-vous* как мотива о любви. Сделать это необходимо с точки зрения, предложенной В. Хализевым,

когда женское начало в качестве самоценного мотивного составляющего будет проанализировано через «...ситуации *выбора* людьми жизненно-практических позиций», что не может не влиять, не быть репрезентантом их «духовного *самоопределения...*» (курсив автора – Э.Ш.) [Хализев 2005:7].

Момент третий. Несмотря на то, что, начиная с литературной критики XIX в. и заканчивая современным литературоведением, при разговоре о *русском человеке на rendez-vous* речь неизменно идёт о *типе, мотиве, ситуации, сюжете, литературном ряде, литературно-культурном мифе*, т.е. о некоем литературном единстве, и здесь наблюдается стойкий диссонанс. Для такого рода явлений присуща смысловая, структурная, идейная, эстетическая целостность, повторяемость, воспроизводимость, узнаваемость, возможность развития, а также трансформации на минимальной константной, неустранимой, неизменяемой основе. Женское начало априори должно рассматриваться как неизменная и необходимая составляющая мотива, определяемая и определяющая мотивную сущность, судьбу и тенденции развития. При этом уже критиками закладывается когнитивный диссонанс, когда образ женщины и ситуация любовного свидания – составляющие ключевое событие произведения и самобытную сущность мотива, обеспечивающую его узнаваемость и повтор, – оказываются изначально и неизбежно подчинёнными общественно-исторической, культурной ситуациям, сильно и жестко влияющим на тип мировосприятия и поведения героя. Одним из следствий такого когнитивного диссонанса, надолго закрепившимся в словесно-культурном процессе, будет восприятие и осмысление *русского человека на rendez-vous* как мотива не только и, главное, не столько о любви, о сокровенности его и её отношений, сколько об общественно-культурной нежизнеспособности, слабости и тяготения к эгоизму умозрительности русского человека (героя) вообще. Из-за подобного рода диссонанса мотив так и не будет рассмотрен по сути как полноценное и уникальное литературное единство, а будет представляться и реализоваться через обобщённую, изначально семантически нивелированную схему: «он – она – свидание – разлука – неудавшаяся жизнь» [См. об этом Шестакова 2014]. Заложённое критикой нивелирование, постепенное умаление женского начала на фоне возрастающей активизации внимания к общественным, историко-культурным и литературно-типологическим характеристикам героя и текущего, актуального социального момента приведёт и к своеобразному застыванию трактовок женских образов, и к сложной, постоянно как бы недопрояснённой природе и судьбе всего мотива. Это с одной стороны.

С другой – понятно, что в мотиве *русский человек на rendez-vous* априори нельзя обойти женское начало, которому должны быть присущи признаки и свойства единства, без которых принципиально невозможно говорить об общей целостности мотива. Эти признаки и свойства должны быть выявлены и исследованы с точки зрения литературного единства, в нашем случае мотива *русский человек на rendez-vous*. Проблема эта была давно почувствована и критиками, и литературоведами как внутри мира одного писателя, так и в целом в словесно-культурном процессе. Так, П. Анненков в письме к И. Тургеневу от 14 (26) декабря 1871 г. тонко подметил по поводу «дивной повести "Вешние воды"»: «Вышла вещь блестящая по колориту, по энергии кисти, по завлекательной пригонке всех подробностей к сюжету и по выражению лиц, хотя все основные мотивы ее не очень новы, а мысль-матерь уже встречалась и прежде в Ваших романах» [Переписка 1986:539]. Русский критик, публицист революционно демократического направления Н. Шелгунов идею нового для всей русской словесности типа литературного явления сформулировал в статье «Русские идеалы, герои и типы», вводная часть которой, была опубликована в №6 за 1868 г. журнала «Дело». Он, характеризуя новые тенденции, специально ретроспективным образом выстроил ряд писателей, чтобы показать, что в русской словесности обозначилось качественно новое идейно-смысловое явление, которое наиболее отчетливо просматривается на фоне произведений И. Тургенева и объединяет ряд определённых, внутренне связанных именно этим явлением романистов. Это они «как будто говорили: посмотрите, как следует жить холостым людям – беззаботно, весело, любовно! Читатель никогда не знал: женятся ли герои г. Тургенева, Пушкина, Лермонтова. Никогда ни одному читателю не удавалось присутствовать на свадьбе героев этих писателей...» [Шелгунов 1989:412]. Фактически эту же мысль, но с точки зрения литературоведения, обосновал Ю. Лотман в работе 1975 г. «Роман в стихах Пушкина "Евгений Онегин"». Он отметил особые онегинские сюжет, ситуацию, героя и героиню, когда «в определенной традиции "онегинская ситуация" – это конфликт между "онегинским" героем и героиней, связанной с образом Татьяны. Так будут строиться основные романы Тургенева и Гончарова, "Саша" Некрасова, причем тургеневская версия романа онегинского типа настолько прочно войдет в русскую традицию, что станет определять восприятие и самого пушкинского текста» [Лотман 1975]. Так вот, в мотиве *русский человек на rendez-vous*, который базируется на «онегинско-тургеневской» ситуации, несмотря на безусловную важность любовного начала, любовных коллизий, ожидания свадьбы, собственно женское начало, как необхо-

димое и неустранимое составляющее такого рода ситуаций, не рассматривалось как константное и самоценное для реализации и понимания сущности этого и только этого мотива. Что имеется в виду?

Неоспоримо то, что и критики, и литературоведы уделяли внимание проблеме женского начала, рассматривая его в контексте этических, общественных и поэтических представлений, но происходило это вне проблемы целостности мотива *русский человек на rendez-vous*. Героиня преимущественно вписывалась и воспринималась во многом в ожидаемом и традиционном идейно-смысловом, этическом и эстетическом диапазоне, который разворачивался от образа идеальной русской девушки (барышни) первой половины XIX ст. до явной литературности образа. На жизненное правдоподобие и художественно-литературную преемственность героинь Татьяна – Ася – Лиза – Одицова – Ильинская... указывали и критики, и литературоведы, говоря о типологии женских образов в русской классической словесности. Однако при этом собственно мотивная сущность женского начала в *русском человеке на rendez-vous* утрачивалась, нивелируясь значимыми, но при этом общими поэтическими и общественно-культурными проблемами. Герой *русского человека на rendez-vous* изначально рассматривался и как константа мотива (что закреплено в традиционности оценки поведения героя на *rendez-vous*), и как явление, способное задавать и развивать свою родовую литературную и общественно-культурную линию (*лишние люди, слабые люди, сильные люди, желчевники, новые люди*). Героиня (женское начало) мотива оказалась, вследствие невольного заданного критикой, а также взаимодействием *литературной и общественной культур* (Л. Пумпянский) когнитивного диссонанса, в качественно иной ситуации. Сущность, роль, функции, особенности и свойства характера героини не актуализировались *внутри*, для мотива *русский человек на rendez-vous*. Сложилась стойкая традиция, когда женское начало рассматривалось в словесно-культурном процессе, во-первых, как линия развития пушкинской Татьяны [См., например, из последних работ Гольцер 2000; Беляева 2009; Дубинина 2011; Зайцева 2012]; во-вторых, было растворено в тургеневском типе героини (тургеневской девушке, барышне) [См., например, из последних работ Пильд 1999; Зимовец 2007; Сальникова 2009; Аюпов 2013]. В этом смысле интересны два текста: письмо А. Чехова А.С. Суворину от 24 февраля 1893 г. и стихотворение Н. Гумилёва «Девушке» (1911) из цикла «Чужое небо». Оба они о тургеневских героинях, оба написаны мастерами, чуткими к чужому художественному произведению и Слову, но характеризуют тургеневских героинь диаметрально противоположным образом и стремятся их вписать в

самостоятельную линию существования. Для А. Чехова важно, что «...все женщины и девицы Тургенева невыносимы своей деланностью и, простите, фальшью. Лиза, Елена – это не русские девицы, а какие-то Пифии, вещающие, изобилующие претензиями не по чину. Ирина в "Дыме", Одинцова в "Отцах и детях", вообще львицы, жгучие, аппетитные, ненасытные, чего-то ищущие – все они чепуха. Как вспомнишь толстовскую Анну Каренину, то все эти тургеневские барыни со своими соблазнительными плечами летят к чорту» [Чехов 1952: 609]. Н. Гумилёвым нарисован портрет тургеневской девушки через её рецепцию одновременно и сознательным художником-модернистом, и опытным, критическим читателем русской классики:

Героиня романов Тургенева,
Вы надменны, нежны и чисты,
В вас так много безбурно-осеннего
От аллеи, где кружат листья.

Никогда ничему не поверите,
Прежде чем не сочтёте, не смерите,
Никогда никуда не пойдёте,
Коль на карте путей не найдёте.
[Гумилев 1990:142].

Однако доминирование такого видения женского начала, в целом восходящего к онегинской ситуации в её неперменной и неизменной для национальной традиции актуализации тургеневской «версией романа онегинского типа» [Лотман 1975], как это ни парадоксально, нивелирует и даже разрушает представление о мотиве *русский человек на rendez-vous* как самозначащей и самоценной целостности. Понимая, что любое вычленение и исследование литературного единства всегда условно и схематично, всегда растворено и переплетено в своём зарождении и существовании со множеством других литературных явлений, всё же нельзя не отметить следующее. Анализ мотива как целостности необходим для исследования словесно-культурного процесса как системы, основанной, питаемой и питающей творческую память. В этом смысле необходимо проследить развитие женского начала непосредственно в мотиве *русский человек на rendez-vous* как «обобщенной формы семантически подобных событий сюжетных, взятых в рамках определенной повествовательной традиции фольклора или литературы» [Силантьев 2008:131]. Это будет способствовать прослеждению уникальной смысловой, этической, эстетической целостности мотива. Это же даст возможность преодолеть, во-первых, когнитивный диссонанс, обусловленный доминированием героя и общественно-

культурной ситуации; во-вторых, семантически опустошенную формулу сюжетных событий. Ведь в рамки действия мотивной формулы «он – она – свидание – разлука – неудавшаяся жизнь» может быть вписана почти вся русская классическая и современная литература, но при этом семантическая, этическая, эстетическая сущность *русского человека на rendez-vous* так и не будет ясна. И в этом плане *русский человек на rendez-vous* не состоится как мотив, равнозначный, например, мотивам *Наполеона, метели, ложных друзей, блудного сына*, для которых выяснены и обоснованы основные константные и вариативные составляющие. Умаление женского начала в мотиве *русский человек на rendez-vous* способствует преуменьшению и разрушению сущности, роли мотива в целом. Кроме этого, рассмотрение женского начала, постоянно уводящее и критиков, и литературоведов за пределы мотива, оставляет не проясненным то существенное, что В. Хализев обозначил в качестве *мироприемлющего* начала русской литературы. Оно, сопряженное с аксиологией поступка, наряду с «социально-критическим, обличительным "настроением" оказывается неопределимо важным» [Хализев 2005:8] для всей национальной классической словесности, в том числе, и для мотива *русский человек на rendez-vous*. Естественно, что оно не могло не проявиться через образы героинь, которые, будучи «людьми *обыкновенными*, не притязаящими на амплуа избранных и на масштабные свершения», тем не менее «обладают неоспоримой *ценностью*» (курсив автора – Э.Ш.) [Хализев 2005:8]. Увидеть в полной мере это возможно прежде всего внутри мотивной целостности *русского человека на rendez-vous*, которая с точки зрения её женского начала оказалась фактически не исследованной.

Если кратко подвести итог сказанному, то надо отметить следующее. Женское начало, как неустранимое, необходимое составляющее мотивной целостности *русского человека на rendez-vous*, нуждается в отдельном, последовательном рассмотрении. При этом исследование женского начала может реализоваться в первую очередь в четырёх направлениях, что позволит преодолеть когнитивный диссонанс, сформировавшийся в культуре восприятия этого мотива. Во-первых, разрешение проблемы семантического, эстетического, этического объёма, внутренних и внешних границ мотива *русский человек на rendez-vous*. Во-вторых, прояснение особенностей взаимосвязи чувств, ценностных ориентаций любящих, осуществляющихся и осуществляющих ситуации выбора, духовно-нравственного самоопределения, основанных на представлении о культуре чувств и ответственности за совершенный поступок. В-третьих, уточнение, а также более чёткое обозначение личностно-поведенческой, нравственно-моральной специфи-

ки и тенденций развития характеров героинь мотива. В-четвёртых, обоснование взаимосвязи проблемы любви, страсти, «мысли семейной», анти-семейной, вне-семейной как одной из константных основ мотива.

ЛИТЕРАТУРА

Анненков П.В. Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской «Аси». URL: http://dugward.ru/library/turgenev/annenkov_literaturniy_tip.html (дата последнего обращения 19.05.2015 г.).

Аюпов С.М., Харисова Т.Е. «Тургеневское» в историко-литературном контексте рассказа И.А. Бунина «Ида» // Гуманитарный вектор. 2013. № 4 (36). С.12 – 18.

Беляева И.А. «Оставь герою сердце»: по поводу одной пушкинской реминисценции в «Отцах и детях» Тургенева. // Тургеневские чтения 4. М.: Русский путь, 2009. С.90 – 98.

Благой Дм. Лишние люди // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929–1939. Т. 6. М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во "Сов. Энцикл.", 1932. Стб. 514–540. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le6/le6-5143.htm> 16.08.2014. (дата последнего обращения 19.05.2015 г.).

Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.

Гольцер С.В. Онегинские мотивы в творчестве И.С. Тургенева. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2000. 20 с.

Гумилев Н.С. Стихи; Письма о русской поэзии. М.: Художественная литература, 1990. 447 с.

Дубинина Т.Г. Пушкинские традиции в творчестве И.С. Тургенева 1840-х – начала 1850-х годов. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 22 с.

Зайцева Т.Б. Чехов и Киркегор о любви-воспоминании. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (16). С. 82 – 87.

Зимовец С. Тургеневская девушка: генеалогия аффекта (*опыт инвективного психоанализа*) // Логос. 2 1999 (12). С.43 – 49. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_02/1999_2_05.htm (дата последнего обращения 25.05.2015 г.).

Лотман Ю.М. Человек в пушкинском романе в стихах. // Лотман Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин» URL: <http://www.ruthenia.ru/document/532845.html> (дата последнего обраще-

ния 23.05.2015 г.).

Макушинский А. Отвергнутый жених, или Основной миф русской литературы XIX века // Вопросы философии. 2003. №7. С. 35 – 43.

Маркович В. М. О «трагическом значении любви» в повестях И.С.Тургенева 1850-х годов и традиция. // Поэтика русской литературы: к 70-летию профессора Ю. В. Манна: Сборник статей. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. С.275 – 292.

Мокроусов А. Русский человек на рандеву. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. Под редакцией Юрия Левады и Теодора Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. Библиотека журнала "Неприкосновенный запас". 328 с. // Индекс/Досье на цензуру. 2006. №23. URL: <http://index.org.ru/journal/23/mokr23.html> (дата последнего обращения 29.05.2015 г.).

Мурзак И.И., Ястребов А.Л. У ваших ног я признаюсь! Сюжет объяснения в любви в русском романе. URL: <http://apropospage.ru/lit/Lrom2.html> (дата последнего обращения 26.05.2015 г.).

Переписка И.С. Тургенева. В 2-х. М.: Художественная литература, 1986. Т.1. 607 с.

Пильд Л. Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). – Тарту, 1999. URL: <http://www.ruthenia.ru/document> Леа Пильд, 1999. (дата последнего обращения 25.05.2015 г.).

Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки культуры, 2000. 864 с.

Ребель Г. «...У счастья нет завтрашнего дня» (Пушкинские традиции в повести И.С. Тургенева «Ася»). // Филолог. 2005. № 7. С. 49 – 62.

Ребель Г.М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века): Автореф... д. филолог. н. Ижевск, 2007. – 47 с.

Рейфман П. «Новый человек» на rendez-vous: (роман И.С. Тургенева "Накануне") // Тр. по рус. и славян. филологии. Литературоведение. Тарту, 1998. № 1. С. 124–145.

Сальникова О.М. «Жертва – это сапоги всмятку»? К вопросу о типологии женских характеров у И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского. // Тургеневские чтения 4. М.: Русский путь, 2009. С.159 – 168.

Сенькина Ю.Н. Тургеневская концепция любви в интерпретации ученых // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009, № 101. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/turgenevskaya-kontseptsiya-lyubvi-v-interpretatsii-uchenyh> (дата последнего обращения 29.05.2015 г.).

Силантьев И.В. Мотив // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 130 – 131.

Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.

Чернышевский Н.Г. Избранные сочинения. URL: <http://www.chernishevskiy.net.ru/lib/sa/author/177> (дата последнего обращения 23.05.2015 г.).

Чехов А.П. Из письма Суворину А. С., 24 февраля 1893 г. // Л.Н. Толстой в русской критике: Сб. ст. / Вступ. ст. и примечания С.П. Бычкова. 2-е изд., доп. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 609. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/trk/trk-6091.htm> (дата последнего обращения 19.05.2015 г.).

Шелгунов Н.В. Русские идеалы, герои и типы // Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова: Сборник статей. М.: Детская литература, 1989. 446 с.

Шестакова Э.Г. О принципах и основах трансформации мотива *русский человек на render-vous* в русской словесности XIX – первой трети XX вв. // Антропологические сдвиги переломных эпох их отражение в литературе сб. науч. ст. в 2-х ч. Гродно: ГрГУ, 2014. Ч. 1. С. 278–288.